УДК 94(47).084+061.22
DOI: 10.17223/19988613/54/17

Е.Ф. Синельникова, В.С. Соболев

ПРОТОКОЛЫ СОБРАНИЙ ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-33-00003).

Философское общество при Санкт-Петербургском университете было создано в 1897 г. и ставило своей главной целью развитие и распространение философских знаний в России. Авторами статьи были выявлены и проанализированы 22 протокола собраний общества за первые два года его деятельности, которые были опубликованы в двух книгах журнала «Вопросы философии и психологии» за 1899 и 1900 гг. Протоколы собраний общества являются ценным источником по истории отечественной науки, так как содержащиеся в них материалы позволяют составить достаточно полное представление о повседневной жизни интереснейшего научного общества на рубеже XIX–XX вв., а также об уровне развития философии в России в исследуемый период.

Ключевые слова: история науки; Философское общество; исторические источники; деятельность ученых; Императорский Санкт-Петербургский университет.

В 2017 г. исполняется 120 лет со дня создания Философского общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. У его истоков стояли авторитетные известные ученые А.И. Введенский, В.С. Соловьев, Э.Л. Радлов, В.М. Бехтерев, Н.Г. Дебольский, М.И. Каринский и др. Разработанный инициативной группой проект устава общества, выработанный на собрании членов-учредителей 25 марта 1897 г., подписали 80 представителей науки и культуры [1. С. 90]. После преодоления ряда неизбежных бюрократических трудностей, 22 октября 1897 г. устав Философского общества был утвержден министром народного просвещения, графом И.Д. Деляновым.

Общество ставило своей целью развитие и распространение философских знаний. Для достижения своей цели оно имело право, согласно 3-го параграфа устава: устраивать для научных сообщений, кроме закрытых заседаний, публичные собрания; печатать свои труды в виде отдельных и повременных изданий и др. [2. С. 3].

В первые годы существования общества деятельность его членов, в основном, заключалась в подготовке и чтении научных докладов по различным философским дисциплинам. Общество не имело собственного печатного органа, поэтому тексты лишь некоторых докладов были опубликованы в известных тогда журналах: «Вестник Европы», «Мир Божий», «Журнал Министерства народного просвещения», «Cosmopolis» и др.

В конце 1898 г. было достигнуто соглашение с редакцией журнала «Вопросы философии и психологии», выпускавшимся Московским психологическим обществом[1], относительно печатания в этом журнале материалов Философского общества и содействия в его издании [3. С. 109]. Начиная с 1899 г. журнал выходил под двумя грифами[2], так как оба общества принимали «дружное участие» и вместе способствовали «содержательности и успеху» «общего органа русской философии» [4. С. V]. А.И. Введенский от имени Совета Санкт-Петербургского философского общества следующим образом оценивал значение тех дружественных взаимоотношений, которые установились между двумя обществами: «Когда же в Санкт-Петербурге возникло Философское общество, Московское психологическое общество, приветствуя его с величайшими чувствами как своего собрата, вместе с тем любезно предложило ему пользоваться для его целей страницами “Вопросов философии и психологии”. Принимая с благодарностью это приглашение и сознавая, что обоим русским философским обществам следует поддержать между собой братское единение и по мере возможности содействовать друг другу в достижении преследуемых ими целей» [5. С. VII].

Нельзя не отметить, что взаимоотношения двух обществ с самого начала были очень дружественные. Это неудивительно, ведь В.С. Соловьев служил «соединительным звеном» между московскими и петербургскими философами. Э.Л. Радлов, будучи товарищем председателя Философского общества, справедливо полагал, что своими знакомствами с выдающимися московскими мыслителями – руководителями Психологического общества, он всецело обязан Владимиру Сергеевичу. Эрнест Леопольдович отмечал, что «каждый раз, как в Петербург приезжал кто-либо из москвичей, Соловьев, проводивший половину года в Петербурге, а другую в Москве, заботился о том, чтобы установить связь с петербуржцами» [6. С. 190].

Столичные философы за 20 лет сотрудничества с журналом «Вопросы философии и психологии» опубликовали в нем немало статей и других материалов. Однако особого внимания заслуживают две книги журнала, в которых были опубликованы протоколы собраний Философского общества за 1897–1899 гг. [1, 3]. В них помещены 22 протокола собраний общества (соответственно, 1-е собрание состоялось в 1897 г., 11 собраний в 1898 г. и 10 – в 1899 г.).

Протоколы являются уникальным историческим источником, позволяющим составить представление о внутренней, повседневной жизни интереснейшего научного общества на рубеже XIX–XX вв. Собрания бывали годичные, в начале академического года, и обыкновенные. Они могли быть закрытыми или публичными, т.е. открытыми. На первые допускались только члены общества, однако с разрешения председателя собрания их могли посещать гости. Открытые собрания почти всегда вызывали большой интерес у научного сообщества и студентов. В протоколах неоднократно отмечалось следующее: «заседание было открыто при большом числе посторонних лиц», «заседание было крайне многолюдно, так что все места в зале и на хорах были заняты, и многим пришлось стоять», «из-за большого числа членов и гостей, заседание было перенесено в Актовый зал» и т.п. Годичные и особо многолюдные открытые собрания общества проходили в Актовом зале университета, а закрытые – в небольшом зале заседаний Совета университета. Иногда собрания могли устраиваться в IX аудитории, одно заседание в 1899 г. прошло в Минералогическом кабинете университета. Все заседания, за редким исключением, начинались в восемь часов вечера, а заканчивались часто за полночь. Примечательно, что в 1898 г. заседания проводились в будние дни, в 1899 г. практически всегда Философское общество собиралось в субботу или воскресенье, с периодичностью один-два раза в месяц, в период с мая по сентябрь заседания не проводились.

Прежде всего, в протоколах содержатся материалы по организационно-кадровым и финансовым вопросам деятельности общества: выборы руководящего состава, выборы новых членов, выборы ревизионной комиссии, внесение изменений в уставные документы, рассмотрение финансовых вопросов и др.

Так, на первом собрании общества, проходившем 7 декабря 1897 г., под председательством декана историко-филологического факультета, профессора И.В. Помяловского, был избран Совет общества. В его первоначальный состав вошли: А.И. Введенский, Э.Л. Радлов, А.С. Фаминцын, В.М. Бехтерев, И.И. Лапшин, Я.Н. Колубовский и А.П. Нечаев [3. С. 87]. Я.Н. Колубовский оставался бессменным казначеем общества. А.Н. Нечаев в 1898 г. являлся секретарем организации, И.И. Лапшин – библиотекарем. В 1899 г. эти должности занимали Л.В. Рутковский и В.С. Серебреников соответственно.

Иногда в жизни общества возникали непредвиденные трудности. Во время выборов председателя на первом собрании Философского общества, голоса «избирателей», поданных за двух кандидатов на этот пост, разделились почти поровну: 41 голос – за А.И. Введенского и 40 голосов за М.И. Каринского [7. Л. 4]. Подобные результаты голосования не удовлетворили А.И. Введенского и он отказался от председательства. Собрание 4 января 1898 г. единогласно решило отложить избрание председателя до годичного собрания, до этого времени исполнение обязанностей председателя было возложено на товарища председателя Э.Л. Радлова [3. С. 88]. Почти через год, 11 октября 1898 г. на годичном собрании общества А.И. Введенский уже единогласно был избран председателем вторично [Там же. С. 99]: на этот раз М.И. Каринский отказался участвовать в выборах. Александр Иванович занимал этот пост на протяжении всей 25-летней деятельности общества. Однако нельзя не отметить, что после возобновления деятельности общества в 1921 г. Э.Л. Радлов исполнял обязанности председателя, так как А.И. Введенский был болен и не мог посещать собраний [7. Л. 11].

В протоколах неоднократно упоминается вопрос о финансовых трудностях, которые не позволяли обществу расширять масштабы его деятельности, в частности начать публикацию трудов представителей классической философии и работ своего актива. Так, в докладе секретаря общества В.С. Серебреникова на годичном собрании 22 октября 1899 г. по этому поводу говорилось следующее: «К сожалению, общество не могло еще приступить к предположенному им изданию своих трудов, хотя бы, например, в виде переводов классических философских произведений, и ограничилось пока содействию изданию “Вопросов философии и психологии”» [1. С. 91].

Протоколы собраний убедительно свидетельствуют о росте числа членов Философского общества. К моменту его открытия их насчитывалось 80 человек, к сентябрю 1899 г. это количество достигло 156 членов [Там же. С. 90], в 1900 г. их было 185 [8], а в 1901 г. уже более 200 [9. С. 37]. Однако, несмотря на неуклонный рост численного состава общества, на собраниях присутствовали от 23 до 50 членов общества. По-видимому, собрания посещали только члены общества, проживающие в Петербурге. По протоколам можно установить динамику роста численности, так как в конце заседаний обычно объявлялись имена предложенных Совету общества кандидатов в действительные члены и члены-соревнователи. В следующем собрании проходила процедура избрания предложенных кандидатов. За два первых академических года деятельности общества были избраны 57 действительных членов и 22 члена-соревнователя [1. С. 90].

Однако, на наш взгляд, наибольший интерес и важность представляют материалы протоколов об основной деятельности общества – о подготовке и чтении научных докладов, об обсуждении их на заседаниях, о тех речах, с которыми выступили на собраниях ученые. По нашим подсчетам, за первые два года существования общества на его собраниях учеными было произнесено 10 речей, сделано и обсуждено 13 докладов.

Большинство речей, произнесенных на собраниях общества, было посвящено вопросам истории философии и деятельности отдельных ярких представителей этой науки. Главным отличием «речи» от доклада было то, что обсуждение ее в собрании не проводилось. Ино-

гда, в случае большого успеха оратора, в протоколе отмечалось, что «речь была покрыта весьма дружными и долгими несмолкающими аплодисментами».

С речами на собраниях Философского общества при Санкт-Петербургском университете в 1898-1899 гг. выступали не только «профессиональные» философы А.И. Введенский и В.С. Соловьев, но и выдающиеся русские ученые – представители других наук: математик С.Е. Савич, физик, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук О.Д. Хвольсон, эпидемиолог С.М. Лукьянов, историк, академик Санкт-Петербургской Академии наук А.С. Лаппо-Данилевский, ботаник, академик Санкт-Петербургской Академии наук А.С. Фаминцын и др.

Попытаемся вкратце рассказать о некоторых речах, прозвучавших на собраниях общества в течение первых двух лет его существования. В январе 1898 г. А.И. Введенский произнес речь «Судьбы философии в России», которая имела огромное значение для истории отечественной науки, что подтверждается неоднократной публикацией текста этой речи [9–12]. Прежде всего, ученый высказал свое мнение о значении создания Философского общества в Санкт-Петербурге. При этом было отмечено следующее: «Открывая первое в России Философское общество, естественно задуматься, что ожидает его? Каковы надежды на успешное развитие его деятельности? Есть ли основания думать, что в России философия может в скором времени настолько же процветать и оказывать ей такие же услуги, как это было в других странах? Ведь постоянно приходится слышать, что у нас все еще нет своей философии, и что мы еще надолго осуждены ученически усваивать и повторять чужие воззрения, нисколько не участвуя в их дальнейшей разработке и даже не применяя их к развитию нашей культуры» [9. С. 3]. А.И. Введенский выразил свое принципиальное несогласие с подобной точкой зрения, при этом, в подтверждение своей позиции, он сослался на опыт истории философии в России [Там же. С. 4].

Для нас важным является то обстоятельство, что А.И. Введенский в начале своей знаменитой речи кратко, но весомо и убедительно обосновал главные объективные предпосылки создания нового общества и выразил надежду на будущий успех этого научного явления. Хронологические рамки своего выступления Александр Иванович ограничил XIX в. Он отметил «гонения, которые испытала философия при Александре I, и полное ее изгнание из университетов в конце 40-х годов» [3. С. 89]. В то же время, докладчик выразил свое убеждение в том, что «занятия философией у нас с самого начала текущего столетия выразились действительной, серьезной потребностью, удовлетворяемой вопреки всем препятствиям, и, несмотря на гонения, испытываемые философией, всегда давали богатые и полезные результаты» [Там же]. В заключение А.И. Введенский выразил уверенность, что «энергичное содействие развитию и распространению философских знаний в России очень скоро, может быть, уже в ближайшем поколении, выработает деятелей, которые будут иметь для России столь же большое значение, как западники и славянофилы, а для науки всего мира, как Лобачевский» [3. С. 90].

В феврале 1898 г. на собрании прозвучала речь В.С. Соловьева «Жизненная драма Платона» [13]. Владимир Сергеевич полагал, что «началом жизненной драмы Платона следует считать впечатление, произведенное на него смертью Сократа» [3. С. 91]. По мнению докладчика, Сократ, «одушевленный стремлением к знанию, всеми силами боролся против обскурантизма и слепой веры. Выясняя истинное понятие божества и государства, он находил невозможным присваивать божеству полицейскую функцию, а полиции божественную санкцию» [Там же]. В.С. Соловьев в свойственной ему эмоциональной, яркий форме обрисовал драматизм той ситуации: «...справедливость Сократа, его беспристрастие вызвали недовольство обеих партий – и охранителей, и разрушителей. Вражда к мудрецу, возгоревшаяся на чисто личной почве, натолкнула их на страшное дело, и Сократ был осужден, как преступник» [Там же. С. 92]. Последний аккорд речи звучал «по-соловьевски» сильно: «Платон невольно должен был почувствовать себя в трагическом положении перед грозным вопросом: “быть или не быть правде?”. Сознав это положение, он становится истинным героем жизненной драмы, перед которой бледнеет шекспировский “Гамлет”» [Там же].

В марте 1898 г. в Философском обществе широко отмечалось 100-летие со дня рождения Огюста Франца Конта (1798–1857). В двух собраниях учеными по этому поводу было произнесено пять речей. Напомним, что всего за два первых года существования общества, ученые с речами выступили 10 раз.

Французский философ считался «родоначальником позитивизма» и «основоположником социологии как самостоятельной науки». Надо полагать, что именно данные обстоятельства и определили масштабы празднования его 100-летнего юбилея «в стенах» Философского общества. К этому времени в России позитивизм в философии завоевывал все большее число сторонников и последователей. А существовавший цензурный запрет на проведение социологических исследований вовсе не означал того, что актуальные вопросы этой науки не волновали умы многих ученых-гуманитариев.

Юбилейные мероприятия были начаты речью В.С. Соловьева «Об общих идеях О. Конта». Впервые текст этого выступления был опубликован в 1898 г. под названием «Идея человечества у Августа Конта» [14]. Сначала Владимир Сергеевич обрисовал «исторические условия мысли» французского мыслителя и указывал на то, что «отрицательное отношение к христианству соединяется у Конта с отрицательным же отношением к революции» [15. С. 173]. По мнению В.С. Соловьева «Конт не остановился на понятиях

нации и гражданского общества, но указал на человечество, как живое, действительное существо. На почитании этого живого великого существа – человечества – Конт основал свою религию» [3. С. 94]. Докладчик предложил слушателям один из любимых своих сюжетов: «Конт близко подошел к основной идее христианства и, в частности, даже к той форме ее внешнего выражения, которая давно существовала у нас на Руси в виде поклонения новгородскому образу святой Софии. В этом смысле слова Конт может быть назван великим восполнителем исторического христианства» [Там же]. Следует сказать о том, что В.С. Соловьев в своих трудах неоднократно обращался к крайне, видимо, важной для него теме «образа Софии Премудрости Божией». Позволим себе привести один из интересных, на наш взгляд, фрагментов из упоминаемой нами речи: «Это Великое, царственное и женственное Существо, которое, не будучи ни Богом, ни вечным Сыном Божьим, ни ангелом, ни святым человеком, принимает почитание и от завершителя Ветхого Завета и от родоначальницы Нового, – кто же оно, как не само истинное, чистое и полное человечество, высшая и всеобъемлющая форма и живая душа природы и вселенной, вечно соединенная и во временном процессе соединенная и во временном процессе соединяющаяся с Божеством и соединяющая с Ним все, что есть. Несомненно, что в этом полный смысл Великого Существа, наполовину почувствованный и созданный Контом» [15. С. 188].

Одним из авторов юбилейных речей стал выдающийся историк А.С. Лаппо-Данилевский, говоривший «О позитивном методе в социологии Конта». По мнению докладчика, «методологические указания Конта имели большое значение в истории социологии» [3. С. 96]. Александр Сергеевич, в частности, указал на то, что «сопоставляя общество с организмом, Конт понимал организм не только в биологическом, но и в психологическом смысле и среди факторов прогресса на первое месте ставил идеи» [Там же].

Ученые-естественники в своих выступлениях, посвященных О. Конту, рассматривали его воззрения на математику, биологию и физику. К сожалению, в протоколах собраний Философского общества были зафиксированы только основные положения этих «речей», а их полные тексты в 1898 г. были опубликованы в различных научных и просветительских журналах [16–18].

В октябре 1899 г. академик А.С. Фамицын выступил с речью «Современное естествознание и его ближайшая задача». Оратор обратил внимание собравшихся «на назревшую потребность расширить район деятельности естествоиспытателей распространением экспериментального метода на психические явления» [1. С. 92]. Андрей Сергеевич достаточно определенно сформулировал недостатки современного естествознания: «...отсутствие анализа нашей познавательной способности, а равно и способа и средств наших для познавания внешнего мира» [Там же]. По мнению А.С. Фаминцына, «естествознание не должно ограничиваться явлениями материальными, а распространять свои расследования и на явления психологические» [1. С. 93].

Следует отметить, что подобные идеи к этому времени в России все в большей степени овладевали умами прогрессивной части научной интеллигенции. Одним из важных и успешных результатов реализации этих идей стало создание академиком В.М. Бехтеревым в 1907 г. Психоневрологического института в Санкт-Петербурге. Его устав был разработан специальным комитетом Русского общества нормальной и патологической психологии в 1904 г. [19. С. 716], однако реализация проекта заняла три года. В результате деятельности института, в частности, была создана уникальная научная школа, воплотившая в жизнь основную системную концепцию «целостного подхода к человеку». Кроме того, институт выпускал с 1911 г. под редакцией академика В.М. Бехтерева и профессора В.С. Серебренникова научный журнал «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии»[3], в котором публиковались, в том числе, статьи членов Философского общества.

Резюмируя практику «чтения речей» в собраниях Философского общества, можно отметить, что в дальнейшем речи произносились только на годичных собраниях или по особым случаям. Более приемлемой и оптимальной формой работы были признаны научные доклады, за которыми следовали их обсуждения.

Как уже упоминалось выше, в протоколах собраний Философского общества за 1897–1899 гг. имеются сведения о 13 докладах. С некоторой степенью относительности все эти доклады по предметному признаку можно подразделить на 5 групп по тематическому принципу: 4 доклада были сделаны по социальной философии; прозвучало 3 доклада по теории познания; 3 доклада можно отнести к философии искусства; 2 раза докладчики говорили об истории философии; о современном преподавании философии докладывалось на собрании всего 1 раз.

Будучи ограничены рамками статьи, попытаемся вкратце передать основное содержание наиболее важных докладов и полемику, вызванную ими. Обсуждения представляются нам особенно ценными, так как они отражают непосредственную реакцию научного общества на обсуждаемые темы. Кроме того, критические замечания зачастую учитывались докладчиками при подготовке их выступлений к печати.

Итак, к первой группе можно отнести доклад опытного юриста Д.Д. Гримма «К вопросу о психологическом анализе человеческих действий», прочитанный 17 ноября 1899 г. Давид Давидович считал, что подобный анализ «должен быть произведен с двоякой точки зрения: с точки зрения самого действующего лица (анализ внутренней стороны действия) и с точки зрения третьих лиц (анализ внешней стороны действия)» [1. С. 100]. По мнению докладчика, все действия человека

«можно разбить на две главные группы: действия, направленные на известный физический эффект (например, пользование, потребление, распоряжение), и действия, направленные на известный психический эффект в отношении данного объекта (например, восприятие или усвоение чего-либо, сообщение чего-либо, взаимный обмен мыслей, чувств, желаний)» [1. С. 101]. В докладе, в частности, говорилось о возможности применения общих начал психологии в области уголовного права.

Доклад вызвал большой интерес у присутствующих, в прениях выступили шесть оппонентов. В их числе известный юрист А.Ф. Кони, являющийся членом Философского общества, которого А.И. Введенский специально пригласил принять участие в обсуждении этого доклада. Анатолий Федорович, открывавший дискуссию, в частности, отметил, что «применение общих начал психологии и ее выводов к уголовной ответственности» вполне желательно, но нельзя в судебной сфере этим ограничиваться [Там же. С. 103–104]. Председательствующий в собрании А.И. Введенский должен был закончить прения «в виду позднего времени – 12 ½ часа ночи» [Там же. С. 108].

К первой тематической группе можно отнести также и доклад правоведа, представителя социологической мысли Б.А. Кистяковского «Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений», сделанный на собрании 16 декабря 1899 г. Богдан Александрович полагал, что «безусловная необходимость по своему содержанию тождественна с всепространственностью и всевременностью. То есть со значением для всякого места и для всякого времени» [Там же. С. 110]. Докладчик указывал на то, что «над всяким социальным явлением независимо от исследования причинных соотношений, обусловивших его, может быть высказан этический приговор, смотря по тому, приводит ли оно к справедливым результатам» [Там же. С. 111].

Надо заметить, что в описываемый нами момент Б.А. Кистяковский являлся еще представителем марксистской философии (от марксизма он отошел позднее, в первые годы XX в.), поэтому в докладе давалась весьма положительная оценка ряду важных марксистских положений. К. Марксу ставилось в особенную заслугу применение новых методов к изучению социальных явлений. Указывалось также, что К. Маркс «в отличие от прежних экономистов, не ограничился изучением экономических отношений при капиталистическом строе, а ставил вопрос шире, считая этот строй соответствующим одной только стадии исторического развития» [Там же].

Как и следовало ожидать, обсуждение доклада проходило очень активно, выступили шесть оппонентов и прения были закончены «около часа ночи». В связи с большим значением, которое к этому времени уже имели идеи К. Маркса для социально-политической ситуации в стране, остановимся подробнее на высказанных в прениях суждениях о его «историко-философской системе экономического материализма». Так, экономист и статистик В.И. Борткевич весьма критически оценивал положения его теории, отмечая ее чисто-экономическое содержание, которое не обладало «характером бесспорности» [1. С. 113]. Владиславом Иосифовичем отмечал также, что приемы, использованные Марксом для доказательства его теории, «не представляют ничего нового с точки, <…>, хотя бы по сравнению с методами, применявшимися классической школой экономистов» [Там же. С. 113–114]. В том же тоне высказывался и следующий оппонент – автор многочисленных философских статей Л.Е. Оболенский, который подчеркивал, что «теория К. Маркса, видящая всю историю в классовой борьбе и развитии только экономических отношений, является лишь односторонней научной гипотезой», и далее, что «ее ошибка в том, что она в одной цепи причинных зависимостей (в цепи экономической и классовой) видит все и надеется объяснить этим всю историю» [Там же. С. 117]. Своеобразным «предостережением» прозвучало одно из заключительных положений оппонента: «опасность марксизма в том, что он переносит свою односторонность в мораль, в практическую жизнь» [Там же].

Ко второй группе докладов мы отнесли выступления по теории познания. В ноябре 1898 г. был заслушан доклад Л.Е. Оболенского «Главнейшие типы представлений о мире, как он есть сам по себе, и их критика». Леонид Егорович, в частности, утверждал, что «стремление человечества искать познания мира самого по себе обусловливается двумя причинами: умственною и моральною» [3. С. 104]. Докладчик считал, что его научная позиция «проливает новый свет на самый процесс познания, уже не требующий непонятного перехода от механического возбуждения в психическое: достаточно допустить передачу субъективного состояния от одного “я” к другому» [Там же. С. 105]. В обсуждении выступления Л.Е. Оболенского приняли участие три оппонента, которые сошлись во мнении, что положения доклада недостаточно обоснованы и требуют критического анализа докладчика. Обсуждение, однако, затянулось так, что «остальные вопросы повестки дня за поздним временем были отложены на следующее собрание» [Там же].

По нашей систематизации ко второй группе докладов отнесено и выступление философа-кантианца И.И. Лапшина «О трусости в мышлении», заслушанное на собрании в ноябре 1899 г. Основные положения «первой фактической части доклада сводились к следующему: трусость в мышлении бывает двоякая – перед людьми и перед представлениями» [1. С. 94]. При этом Иван Иванович, являющийся одним из известных в России представителей неокантианства, не преминул заметить, что «ярким примером для второго вида (т.е., для «представлений». – *Е.Ф., В.С.*) является страх перед философским идеализмом» [Там же]. Во второй части доклада приводились соображения психологического порядка: «Трусость в мышлении заключается во

взаимоотношении между эмоциями и механизмом представлений» [1. С. 94–95]. В протоколе собрания было отмечено, что доклад «вызвал оживленные прения», что можно объяснить не только новизной предложенной темы, но и тем, что у членов Философского общества была возможность ознакомиться с тезисами доклада, которые были им заранее разосланы [Там же. С. 98]. В итоге Ивану Ивановичу пришлось давать ответы семи своим оппонентам. Особо ценные замечания по докладу высказали М.М. Филиппов и Л.Е. Оболенский, которые указывали на то, что «задавшись чисто психологическим исследованием, докладчик выполнил его односторонне и несколько тенденциозным образом» [Там же. С. 95–96]. Однако, председатель собрания А.И. Введенский положительно оценил поставленную автором задачу – «исследовать психологические причины, побуждающие относиться враждебно к тому или другому философскому направлению, независимо от того, будет ли оно признано состоятельным или нет» [Там же. С. 100].

В третью группу докладов нами были включены выступления по философии искусства. Так, в марте 1898 г. на собрании выступил создатель системы феноменального формализма Н.Г. Дебольский с докладом «Понятие красоты», который был опубликован в качестве статьи в августе 1898 г. [20]. Николай Григорьевич высказал мнение о том, что «понятие красоты – низшая ступень в ее понимании, когда рассматривается только как нечто противоположное безобразию; идея же красоты есть нечто высшее, в чем уничтожаются данные противоположности» [3. С. 97]. Свои основные выводы докладчик сформулировал следующим образом: «Красота – откровение Бога через природу. Созерцание красоты есть мистическое погружение нашего духа в сущность природы» [Там же]. Идеи и доводы докладчика вполне соответствовали его философским взглядам. Н.Г. Дебольский являлся одним из известных в России представителей идеализма и метафизики, он ряд лет возглавлял кафедру метафизики в Санкт-Петербургской духовной академии. Обсуждение доклада было перенесено на следующее собрание общества и прошло в апреле 1898 г., в прениях выступили три оппонента: Я.Н. Колубовский, А.И. Введенский и В.М. Бехтерев.

Выступление действительного его члена Философского общества, филолога Ф.Д. Батюшкова «Утопия всенародного искусства», посвященное «теории графа Л.Н. Толстого[4] об искусстве», состоялось в ноябре 1898 г. Это выступление было откликом на трактат Л.Н. Толстого «Что такое искусство?», впервые опубликованный в «Вопросах философии и психологии» (начало в конце 1897 г., окончание – в начале 1898 г.) [22], который привлек огромное общественное внимание и вызвал бурные дискуссии. Санкт-Петербургское философское общество не могло обойти своим вниманием данное событие интеллектуальной жизни страны. В своем выступлении Федор Дмитриевич отмечал, что «идея всенародного искусства, составляющая основную мысль теории Толстого, является утопией» [3. С. 99]. Он утверждал, что требование всенародности противоречит основному свойству искусства – действовать непосредственно на наши чувства, что невозможно в виду разнообразия восприимчивости, вкуса и развития людей» [Там же. С. 100]. Доклад Ф.Д. Батюшкова завершал вывод о том, что у Толстого «всенародное» отождествляется с «общенародным», и потому все, сказанное им о всенародном искусстве, сводится к характеристике основных свойств общенародного или классического искусства [Там же].

Полагаем, что все присутствующие на собрании были знакомы с первоисточником, и в прениях высказывались не только мнения непосредственно о докладе, но и об самих идеях Л.Н. Толстого. Так, выдающийся адвокат В.Д. Спасович, соглашаясь с критикой теоретических воззрений Л.Н. Толстого, представленной Ф.Д. Батюшковым, дополнил выступление, указав «некоторые недостатки во взглядах Толстого, упущенные из виду докладчиком». В частности, оппонент считал основной ошибкой Льва Николаевича, которая «служит источником его утопий о науке и искусстве в будущем» то, что он «поставил превыше всего добро, неопределяемое разумом <…>, отождествляя его с религией, с Богом, а затем, отсекая от религии всю ее догматическую часть, прилепляется, как к синониму и добра, и Бога, к чувству единения и братства людей» [Там же. С. 102]. Докладчик, в свою очередь, поблагодарил оппонента за «поучительные и интересные разъяснения». Свое мнение о Л.Н. Толстом высказал в прениях известный писатель, философ и популяризатор науки М.М. Филиппов. Он критиковал Толстого за то, что он «как по отношению к искусству, так и по отношению к науке» «сваливает в одну кучу самые разнородные вещи, и это зависит от ошибочности его основной мысли – применить к красоте мерило нравственности» [Там же. С. 103]. В целом в прениях выступило четыре оппонента.

Доклады по истории философии, по нашей систематизации, были отнесены к четвертой группе. Вкратце расскажем об одном из них. Это выступление Э.Л. Радлова «Очерк историографии истории философии», состоявшийся в апреле 1899 г. Эрнест Леопольдович всю историографию разделил на три периода. Докладчик отмечал, что в эпоху Возрождения попытки написать историю философии были крайне несовершенны и «со стороны методологической», и «со стороны содержания» [1. С. 84]. В XVII–XVIII вв. существовали два основных направлений – «ученая повествовательная история» и «стремление к конструкции истории» [Там же]. С конца XVIII в. начинается подъем исторического знания. Существуют два основных направления: «ученая философия», «идеалистическая философия». Эта работа Э.Л. Радлова была опубликована в «Вопросах философии и психологии» [23]. В обсуждение этого доклада в собрании Философского общества приня-

ли участие пять оппонентов, причем «главным предметом обсуждения было влияние, которое произвела философия Гегеля на науку истории философии» [1. С. 84]. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии М.И. Каринский «с большим сочувствием» отозвался о научном характере доклада. По его мнению, значение гегелевской философии для развития историко-философских исследований состояло в том, что «она возвышала значение прежде существовавших философских систем», что должно было привлечь талантливых представителей школы к историко-философским работам и привести к появлению многих серьезных историко-философских трудов [Там же. С. 85]. Следующий оппонент, В.Э. Вальденберг рассуждал о примате истории проблем над историей философских систем. П.И. Вознесенский, критиковал доклад Радлова за то, что, по его мнению, он имел чисто историографический, а не философский характер. Однако оппонент все-таки признавал, что в докладе имеется и «философский элемент», но Э.Л. Радлову следовало бы «яснее определить понятие философии, без которого немыслимо рассуждение о задачах и методах ее истории» [Там же. С. 87]. По традиции прения завершил председательствующий в собрании А.И. Введенский. Он, высоко оценив доклад, высказал ряд ценных замечаний, касающихся состоявшейся дискуссии. В частности, по поводу замечания П.И. Вознесенского отмечалось, что «при чисто исторических задачах, в состав истории философии мы должны вводить не то, что подходит под наше собственное понятие философии, а то, что считали философией современники эпохи, рассматриваемой нами» [Там же. С. 88].

Наконец, к последней пятой группе докладов о современном преподавании философии нами было отнесено одно выступление. Это был доклад известного писателя и журналиста П.Д. Боборыкина «Класс философии во Французских лицеях и колледжах», сделанный в январе 1899 г. Петр Дмитриевич долгие годы жил во Франции, в Париже, по его словам, «он отдался изучению положительной философии», сблизился с известными философами-позитивистами И. Тэном, Г. Спенсером, Дж.С. Миллем. За годы эмиграции П.Д. Боборыкину довелось встречаться с известными политическими деятелями – Ф. Энгельсом, А. Герценом, Л. Гамбеттой. Он поддерживал также дружеские отношения с рядом писателей. В 1900 г. он был избран почетным академиком Санкт-Петербургской Академии наук.

Текст доклада П.Д. Боборыкина был опубликован под заглавием «Философия в гимназиях» [24]. Докладчик рассказал собравшимся «о преподавании философии во французских гимназиях» [1. С. 74], познакомил участников собрания с французскими учебными пособиями и учебниками, с перечнем вопросов, которые задаются учащимся на экзаменах и др. В заключение П.Д. Боборыкиным был поставлен вопрос «о желательности философского преподавания в наших средних школах» [1. С. 75]. Тема, затронутая в докладе, была весьма актуальна, и в прениях приняли участие семь оппонентов. За исключением одного, все они были согласны с тем, что «приобщение гимназистов к философскому мышлению в том или ином размере, безусловно, желательно в принципе» [Там же]. Кроме того, выступавшие сошлись во мнении, что французское философское образование не может служить образцом. И.И. Беллярминов охарактеризовал системы преподавания философии в прусских гимназиях и английских колледжах. Заключительное слово принадлежало А.И. Введенскому, который отметил, что «при изучении философии особенно нужна постепенность», и подтвердил свой тезис указанием на разницу в усвоении программ по философии и логике в Университете и на Бестужевских курсах. Так, курсистки «успевают в философии» в среднем лучше, чем студенты университета, так как на женских курсах при том же числе лекций они распределены на два года, и «вообще каждый философский предмете проходится отдельно». В заключение Александр Иванович приходил к неутешительному выводу о невозможности вводить в гимназиях преподавание философии, «выходящее за пределы главных пунктов формальной логики», так как гимназическое образование страдает крупными недостатками, которые должны быть устранены [Там же. С. 78].

Полагаем, что протоколы собраний Философского общества являются важным и интересным источником по истории его деятельности. По своему характеру и содержанию протоколы рисуют достаточно полную картину жизни общества, отражают подчас те подробности и детали, которые не могут содержаться в других источниках. Они обогащают наше представление о конкретных формах и методах функционирования общества, о позиции и взглядах его членов, о сложности процесса научного творчества, проходившего в рамках общественной организации. Приведенный в данной статье фактический материал позволяет сделать вывод о том, что Философское общество при Императорском Санкт-Петербургском университете было значимым явлением в истории отечественной науки на рубеже XIX–XX вв., а результаты его деятельности стали существенным вкладом в развитие культуры России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Московское психологическое общество было создано 24 января 1885 г. при Императорском Московском университете. Оно функционировало до 1922 г.

[2] Журнал «Вопросы философии и психологии» был основан по инициативе председателя Психологического общества, профессора кафедры философии Московского университете Николая Яковлевича Грота, который возглавлял его редакцию в 1889–1893 гг. В 1894–1895 гг. Н.Я. Гроту помогал Л.М. Лопатин. В 1896–1897 гг. редакция была в руках Л.М. Лопатина и В.П. Преображенского. В 1900 г. С.Н. Трубецкой заменил умершего Преображенского. После кончины С.Н. Трубецкова в 1905 г. редакцию возглавлял один Л.М. Лопатин. В первые годы тираж журнала доходил до 1 600 экземпляров. Журнал был закрыт в 1918 г. Всего было опубликовано 137 выпусков.

3 «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии» издавался В.М. Бехтеревым с 1904 г. под названием «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» в качестве печатного органа Русского общества нормальной и патологической психологии.
4 Лев Николаевич Толстой являлся почетным членом как Московского психологического, так и Санкт-Петербургского философского общества (см., например: [8; 21]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Протоколы общих собраний Санкт-Петербургского философского общества за 1899 г. // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 51. С. 74–123.
2. Устав Философского общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1897. 8 с.
3. Протоколы общих собраний Философского общества, состоящего при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1897 и 1898 гг. // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 46. С. 87–111.
4. Грот Н.Я., Преображенский В.П. От Совета Московского психологического общества // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 46. С. V–VI.
5. Введенский А.И. От Совета Санкт-Петербургского философского общества // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 46. С. VII.
6. Радлов Э.Л. Голоса из невидимых стран // Дела и дни: исторический журнал. 1920. Кн. 1. С. 189–208.
7. Милорадович К.М. Петербургское философское общество // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Р. IV. Оп. 1-1922. Д. 875. 1922 г.
8. Список членов Философского общества при Санкт-Петербургском университете. СПб., 1900. 32 с.
9. Введенский А.И. Судьбы философии в России // Философские очерки. СПб., 1901. Вып. 1. С. 3–38.
10. Введенский А.И. Судьбы философии в России // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. 42. С. 314–354.
11. Введенский А.И. Судьбы философии в России. М. : Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1898. 43 с.
12. Введенский А.И. Судьбы философии в России // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии / мост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 26–66.
13. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Вестник Европы. 1898. № 3. С. 334–356; № 4. С. 763–782.
14. Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Cosmopolis. 1898. № 4. С. 60–73; № 12. С. 179–183.
15. Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Собрание сочинения / под ред. и с прим. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова : в 10 т. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1913. Т. 9. С. 172–193.
16. Савич С.Е. О математических трудах О. Конта // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. CCCXVII. С. 152–169.
17. Хвольсон Л.Д. О позитивной философии и физике // Мир Божий. 1898. № 5. С. 41–68.
18. Лукьянов С.М. Позитивная биология О. Конта и философия // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. 42. С. 216–253.
19. Русское общество нормальной и патологической психологии // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 9. С. 711–718.
20. Дебольский Н.Г. Понятие красоты // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. CCCXVIII. С. 416–441.
21. Список членов Психологического общества, состоящего при Императорском Московском университете, по 1-е февраля 1899 г. // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 46. С. 80–86.
22. Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 40. С. 979–1027; 1898. Кн. 41. С. 5–137.
23. Радлов Э.Л. Очерк историографии истории философии // Вопросы философии и психологи. 1899. Кн. 49. С. 359–378.
24. Боборыкин П.Д. Философия в гимназиях // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 47. С. 113–145.

Sinelnikova Elena F. St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia). E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru
Sobolev Vladimir S. St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia). E-mail: vlad_history@mail.ru

THE MEETINGS MINUTES OF THE PHILOSOPHICAL SOCIETY AT ST. PETERSBURG UNIVERSITY AS A SOURCE ON HISTORY OF RUSSIAN SCIENCE

Keywords: history of science; the Philosophical Society; historical sources; activity of scientists; Imperial St. Petersburg University.

The main goal of the article is a complex analysis of the meetings minutes of the Philosophical Society at St. Petersburg University. It should be stressed that it is the first such research, because the meetings minutes of the Philosophical Society have never been studied by other scholars before.
The Philosophical Society was established in 1897. Among its founders were a number of famous scientists and scholars - A.I. Vvedensky, V.S. Soloviev, E.L. Radlov, V.M. Bekhterev, I.P. Borodin, A.S. Famintsyn, S.F. Platonov, A.S. Lappo-Danilevsky, S.A. Zhebelev, M.I. Tugan-Baranovsky, N.I. Kareyev, A.F. Koni, O.D. Khvolson, etc. The aim of the society was the development and dissemination of philosophical knowledge in Russia. According to its charter, the society had the right to organized closed meetings and public scientific meetings.
The article is based on the meetings minutes of the Philosophical Society, which were published in two books of the Moscow journal "Voprosy filosofii i psikhologii" for 1899 and 1900. There are 22 meetings minutes of the society (a meeting was in 1897, 11 in 1898 and 10 in 1899). Besides, the archival documents from the St. Petersburg Branch of the Archives of Russian Academy of Sciences and the scientific articles of members of the Philosophical Society were used in the article.
On the basis of the studied material the authors came to the conclusion that the meetings minutes of the Philosophical Society at St. Petersburg University are an important and interesting source on history of Russian science as the information contained in its bring a fairly complete picture of the everyday life of one of the most interesting scientific society at the turn of the 19th and 20th centuries, as well as its show the level of development of philosophy in Russia during the period under investigation. Moreover, they show the significance of the society in the socio-cultural space of the country and its relationships and links with different scientific institutions too.
First of all, the minutes contain materials on the organizational, personnel and financial issues of the society. The most interesting materials of the meetings minutes were information on giving scientific reports, speeches and discussions. The famous scientists and scholars were the active participants of the society meetings that attracted a wide audience of scientists, scholars and students.
The Philosophical Society was an important phenomenon in the history of Russian science, and the results of its activities are an important contribution to the development of Russian culture.

REFERENCES

1. Anon. (1900) Protokoly obshchikh sobraniy Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva za 1899 g. [The Minutes of General Meetings of the St. Petersburg Philosophical Society for 1899]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 51. pp. 74–123.
2. Anon. (1897) Ustav Filosofskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete [Charter of the Philosophical Society at the Imperial St. Petersburg University]. St. Petersburg: [s.n.].
3. Anon. (1899) Protokoly obshchikh sobraniy Filosofskogo obshchestva, sostoyashchego pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete. 1897 i 1898 gg. [Protocols of General Meetings of the Philosophical Society, which is part of the Imperial St. Petersburg University. 1897 and 1898]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 46. pp. 87–111.
4. Grot, N.Ya. & Preobrazhenskiy, V.P. (1899) Ot Soveta Moskovskogo psikhologicheskogo obshchestva [From the Council of the Moscow Psychological Society]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 46. pp. 5–6.
5. Vvedenskiy, A.I. (1899) Ot Soveta Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva [From the Council of the St. Petersburg Philosophical Society]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 46. p. 7.
6. Radlov, E.L. (1920) Golosa iz nevidimykh stran [The Voices from Invisible Countries]. *Dela i dni: istoricheskiy zhurnal.* 1. pp. 189–208.
7. Miloradovich, K.M. (1922) *Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo* [The St. Petersburg Philosophical Society]. St. Petersburg Branch of the Archive of Russian Academy of Sciences. Fund IV. List 1-1922. File 875.
8. Anon. (1900) *Spisok chlenov Filosofskogo obshchestva pri Sankt-Peterburgskom universitete* [List of Members of the Philosophical Society at St. Petersburg University]. St. Petersburg: [s.n.].
9. Vvedenskiy, A.I. (1901) *Filosofskiye ocherki* [The Philosophical Essays]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 3–38.
10. Vvedenskiy, A.I. (1898) Sud'by filosofii v Rossii [The Fate of Philosophy in Russia]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 42. pp. 314–354.
11. Vvedenskiy, A.I. (1898) *Sud'by filosofii v Rossii* [The Fate of Philosophy in Russia]. Moscow: I.N. Kusneryrev & Co.
12. Vvedenskiy, A.I. (1991) Sud'by filosofii v Rossii [The Fate of Philosophy in Russia]. In: Vvedenskiy, A.I., Losev, A.F., Radlov, E.L. & Shpet, G.G. *Ocherki istorii russkoy filosofii* [The Essays on the History of Russian Philosophy]. Sverdlovsk: Ural University Press. pp. 26–66.
13. Solovyev, V.S. (1898) Zhiznennaya drama Platona [The Life Drama of Plato]. *Vestnik Yevropy* [The Herald of Europe]. 3. p. 334–356.
14. Solovyev, V.S. (1898) Ideya chelovechestva u Avgusta Konta [The Idea of Humanity in August Comte]. *Cosmopolis*. 4. pp. 60–73.
15. Solovyev, V.S. (1913) *Sobraniye sochineniya in 10 volumes* [Collected Works in 10 vols]. 2nd ed. Vol. 9. St. Petersburg: Prosveshchenie. pp. 172–193.
16. Savich, S.Ye. (1898) O matematicheskikh trudakh O. Konta [On the Mathematical Works of O. Comte]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [The Journal of the Ministry of Education]. Vol. CCCXVII. pp. 152–169.
17. Khvolson, L.D. (1898) O pozitivnoy filosofii i fizike [About positive philosophy and physics]. *Mir Bozhiy*. 5. pp. 41–68.
18. Lukyanov, S.M. (1898) Pozitivnaya biologiya O. Konta i filosofii [Comte's positive biology and philosophy]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 42. pp. 216–253.
19. Anon. (1904) Russkoye obshchestvo normal'noy i patologicheskoy psikhologii [The Russian Society of Normal and Pathological Psychology]. *Vestnik psikhologii, kriminal'noy antropologii i gipnotizma*. 9. pp. 711–718.
20. Debolskiy, N.G. (1898) Ponyatiye krasoty [The concept of beauty]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Vol. CCCXVIII. pp. 416–441.
21. Anon. (1899) Spisok chlenov Psikhologicheskogo obshchestva, sostoyashchego pri Imperatorskom Moskovskom universitete, po 1-ye fevralya 1899 g. [List of Members of the Psychological Society, consisting of the Imperial Moscow University, on February 1, 1899]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 46. pp. 80–86.
22. Tolstoy, L.N. (1897) Chto takoye iskusstvo? [What is Art?]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 40. pp. 979–1027.
23. Radlov, E.L. (1899) Ocherk istoriografii istorii filosofii [The Essay on Historiography of Philosophy's History]. *Voprosy filosofii i psikhologi*. 49. pp. 359–378.
24. Boborykin, P.D. (1899) Filosofiya v gimnaziyakh [Philosophy in gymnasiums]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 47. pp. 113–145.